

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Н. А. БЕРДЯЕВ: PRO ET CONTRA

АНТОЛОГИЯ

Т. 2

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Н 11

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
С. А. Гончаров, А. А. Грякалов, В. А. Гуторов,
А. А. Ермичёв, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, И. Н. Сухих,
В. Ф. Федоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор серии

Д. К. Богатырёв

Составитель

А. А. Ермичёв

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-00748 <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского*

Н. А. Бердяев: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., вступ. статья, комментарии А. А. Ермичёва. — СПб.: РХГА, 2024. — 720 с. (Русский Путь).

ISBN 978-5-907855-43-4

Во втором томе антологии «Н. А. Бердяев: pro et contra» предложен широкий спектр анализа и оценок философии и мировоззрения Николая Александровича Бердяева (1874–1948), наиболее известного русского мыслителя, в особенности на Западе, первой половины XX века от критиков его идеалистического марксизма до наших постсоветских современников — философов, историков, социологов, культурологов.

Книга адресована как специалистам, так и самому широкому кругу читателей, интересующихся историей отечественной философской мысли.

На фронтисписе:

Н. А. Бердяев. Крым, Судак. Фото. 1912 г.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Ермичёв А. А., составление, вступ. статья, комментарии, 2024
© АНО ВО «РХГА», 2024
© «Русский Путь», название серии, 1993

ISBN 978-5-907855-43-4

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В рамках уже ставшей классической серии «Русский Путь: pro et contra» мы публикуем второй том о Николае Александровиче Бердяеве (1874–1948), в котором представлена рецепция философии русского мыслителя представителями русской философской мысли. Издание приурочено к 150-летию со дня рождения Н. А. Бердяева.

Русская христианская гуманитарная академия отметила 35-летие своей научно-педагогической и просветительской деятельности. Юбилей отметила и являющаяся важным достижением РХГА книжная серия «Русский Путь», число томов которой перешагнуло две сотни изданий.

«Русский Путь» открылся в 1994 году антологией о Н. Бердяеве. Плодом исследовательской и издательской работы стали своего рода «малые энциклопедии» о философах, писателях, деятелях науки, искусства и церкви: М. Ломоносове, Н. Карамзине, П. Чаадаеве, А. Пушкине, М. Лермонтове, Ф. Тютчеве, Н. Гоголе, В. Белинском, М. Бакунине, А. Герцене, А. Островском, А. Сухово-Кобылине, М. Салтыкове-Щедрине, Н. Чернышевском, И. Тургеневе, Л. Толстом, К. Леонтьеве, В. Ключевском, Вл. Соловьёве, Н. Некрасове, Ф. Достоевском, Н. Лескове, А. Чехове, В. Розанове, П. Флоренском, В. Эрне, С. Булгакове, И. Ильине, Л. Шестове, М. Горьком, М. Зощенко, М. Булгакове, В. Набокове, Н. Заболоцком, А. Твардовском, Л. Гумилёве, Б. Пастернаке, А. Ахматовой, И. Бродском и др. В числе книг, посвященных деятелям искусства, отметим антологии о Л. ван Бетховене, М. Глинке, П. Чайковском, Д. Шостаковиче, С. Прокофьеве, С. Эйзенштейне, Е. Бауэре.

В 2024 году библиотека серии пополнилась книгами о русских писателях-деревенщиках — В. Астафьеве, В. Распутине, В. Шукшине, государственном деятеле М. Сперанском, отечественных мыслителях — Н. Бердяеве (второй том посвящен современной рецепции творчества философа) и А. Зиновьеве, а также о литераторах А. Толстом и Д. Хармсе и кинорежиссере А. Тарковском.

Целый ряд книг представляет российскую рефлексию идейного наследия зарубежных мыслителей — Сократа, Платона, Аристотеля, Августина, Данте, Боккаччо, Макиавелли, Спинозы, Руссо, Вольтера, Дидро, Канта, Шеллинга, Гегеля, Маркса, Ницше, Бергсона, Витгенштейна, Хайдеггера, Рассела. Готовятся тома о Т. Манне, О. Хаксли, М. Шелере, Ф. Шеллинге (второй том посвящен современной рецепции творчества философа).

«Русский Путь» изначально задумывался как серия книг не только о мыслителях, но и о демиургах отечественной культуры и истории. Увидели свет антологии о творцах российской политической истории и государственности, в частности о последнем Рюриковиче и первом русском царе — Иоанне Грозном и царях династии Романовых — Алексее Михайловиче, Петре I, Екатерине II, Павле I, Александре I, Николае I, Александре II, Александре III и Николае II. К царскому ряду примыкают антологии о выдающихся государственных сборники, посвященные лидерам стран антигитлеровской коалиции — И. Сталину,

У. Черчиллю, Ф. Рузвельту и Ш. де Голлю. К столетней годовщине Революции осуществлены издания антологий о ее демиургах — А. Керенском, В. Ленине и Л. Троцком. В 2018 году, к 100-летней годовщине начала Гражданской войны, вышли в свет книги о политически значимых лидерах Белого движения — А. Деникине, П. Врангеле, А. Колчаке. Издания о Н. Хрущеве, Л. Брежневе и М. Горбачёве, дополняя тома, посвященные В. Ленину и И. Сталину, в своей совокупности создают панорамное видение советского периода отечественной истории. Готовится книга о деятельности Иосифа Волоцкого.

Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Последние могут быть выражены различными терминами — универсалии культуры, мифологемы, формы общественного сознания, категории духовного опыта, типы религиозности. В последние годы работа в указанном направлении заметно оживилась. Осуществлена публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию важнейших духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Изданы антологии, посвященные российской рецепции христианских конфессий — православия, католицизма, протестантизма. Проведена работа по осмыслению отечественной рефлексии ключевых идеологий Нового времени. Увидели свет пять антологий: «Либерализм: pro et contra», «Национализм: pro et contra», «Социализм: pro et contra», «Анархизм: pro et contra», «Консерватизм: pro et contra». Опубликованы четыре тома, отображающие оценку феномена русской классики. Первый том охватывает золотой век, второй — серебряный, третий — железный. Четвертый дает представление об отношении к русской классике в мировой культуре. В этом же ряду — книги, посвященные переосмыслению ключевых исторических событий начала XX века: «Революция 1917 года: pro et contra» и «Красное и белое: pro et contra», охватывающая все разнообразие позиций русской эмиграции в оценке Гражданской войны. Идеологическое движение в области межрелигиозных отношений представлено антологией «Экуменизм: pro et contra». Готовятся тома, предлагающие осмысление таких исторических феноменов, как первая волна российской эмиграции XX века, восстание декабристов, российское масонство и русское самодержавие.

За четверть века модель изданий трансформировалась от антологии, включающей классические тексты, к смежному жанру антологии/коллективной монографии, которая содержит тексты современных исследователей, подобранные в стилистике pro et contra, в том числе написанные специально под проект. Это обусловлено повышением уровня современных дискурсов, действующие исследователи вступают в полемику с классиками зачастую на равных. Обозначенные направления работы обычно дополняются созданием расширенных (электронных) версий антологий. Поэтапное структурирование таких информационных ресурсов может привести к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Увеличение в составе серии доли книг, посвященных феноменам культуры, способствует достижению этой цели. Очерченная перспектива развития проекта является долгосрочной и требует значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что данный проект несет в себе как научно-образовательную ценность, так и духовный смысл.

А. А. Ермичёв

Н. А. БЕРДЯЕВ СРЕДИ НАС

Близкое знакомство с Н. А. Бердяевым с началось у нас с 1989–1990 годов, когда его статьи и книги — с благословения секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева пошли каким-то полководьем... Уже в 1989 году «Философия свободы» и «смысл творчества» вышли в партийном издательстве «Правда». В следующем 90-м году появляется репринт его книги «Истоков и смысла русского коммунизма» и тогда же сразу в двух академических журналах — в «Вопросах философии» и «Русской литературе» поэтическая симфония Н. А. Бердяева «Русская идея»... В разгар перестройки, в 1990–1991 годах, вышло сразу четыре издания «Самосознания» с почти миллионным совокупным тиражом. Эффект «взрывного» интереса к Н. А. Бердяеву, наверное, заслуживает специального социально-психологического и историко-библиографического исследования.

Прошло четверть века. Россия, как о том говорил философ, изжила коммунизм: «Русский народ сам освободил себя» (с. 247). Философ, который печалился: «Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, это моя родина», мог бы теперь не печалиться. Его книги издают, его архив изучают (спасибо Евгении Юдифовне), диссертации о его творчестве пишутся и защищаются, книги о нем выходят. В редко идущих учебных курсах по истории русской философии он стоит в одном ряду с прочими мыслителями — от славянофилов и западников до религиозников начала XX века и марксистов, он возвратился домой.

Что Бердяев оставил заметный след в русском и европейском сознании, в том едва ли кто усомнится. Вопрос в другом — что именно в наследии Бердяева до сих пор актуально, что сегодня влечет к нему читателей? Как и все философы Н. А. Бердяев работал с первой и главной философской темой — судьба человека в современном мире, то есть в мире современного ему человечества с его социальностью, культурой, религией и философией. Специфику его философии придает современность, преломившаяся в личности философа. Не об этом ли говорит его философская автобиография? Помним только, что «современность» времени Бердяева совсем другая, чем у всех философов до него и даже другая, чем у его европейских друзей философов. Помним также, что он как личность — явление редчайшее.

На сущность своей современности Н. А. Бердяев указывал еще в 1906 году: «Потеря ощущения реальности, разобщение с глубиной бытия — вот сущность нашей эпохи, вот в чем кризис современного сознания «Так оно и продолжается до сегодняшнего времени. Большинство из нас живет не «чем-то», какой-то реальностью, а ожиданием чего-то. О времени, которое выпало на жизнь Н. А. Бердяева он сам написал так: «Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании... Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями. ...Я мучительно переживал страшную войну против России». Тогда же он писал: «Я еще не знаю, чем закончится мировое потрясение» (с. 9). Вдумчивое наблюдение за такой пугающей современностью и анализ ее, изложенный языком страстного и искреннего публициста, сделали его имя очень популярным у рядового европейского читателя — Бердяев для него — это, прежде всего, автор «Нового средневековья» (1924), «Христианства и классовой борьбы» (1931), «Человек и машины» (1933), «Истоков и смысла русского коммунизма» (1937), «Русской идеи» (1946) и т.п. Его роль теоретика и метафизика предложенных в них наблюдений, очевидно, интересовала их меньше.

После своего возвращения в Россию Н. А. Бердяев сразу стал одним из самых читаемых русских философов, разделяя, впрочем, свою популярность или с В. В. Розановым, или с Н. Ф. Федоровым, или, наконец, с К. Н. Леонтьевым. Тогда-то и стала возможна антология «Н. А. Бердяев: pro et contra» (СПб.: РХГИ, 1994), изданная немислимо чудовищным тиражом 20000 экземпляров. Но и при наличии «учебного пособия» по Бердяеву (как об этой книге говорилось в антологии) можно было уверенно говорить, что наш читатель, подобно европейскому, более любит Бердяева-публициста и создателя мифа о русской идее, нежели Бердяева-метафизика.

Как-то Ф. А. Степун, кажется, в «Бывшем и несбывшемся» заметил, насколько яркими и совершенно непохожими друг на друга были русские философы начала XX века, собравшиеся за общим столом у М. К. Морозовой. Н. А. Бердяев сидел там же. Непохожесть его на других была тогда же непохожестью его философствования, которое обнаруживалось не только в основоположном принципе им же провозглашенном: «...Я положил в основании философии не бытие, а свободу», но собственно в той особенной эмоциональной и духовной атмосфере, порождаемой чтением его работ. Эта — атмосфера преодоления чего-то, подъема к высотам с вдруг срывом, но для того, чтобы снова восходить...

У Бердяева был такой сон, повторявшийся много раз: «Я стоял на большой площади, где заседал церковный собор. Стал искать и себе место, но сколько ни ходил не мог найти. В каком-то отчаянии я полез на возвышенность, окружавшую площадь. Лез долго, устал до изнеможения, окровавил руки и ноги. И достигши, наконец, вершины, увидел крест с распятым Христом. В крайнем

изнеможении я упал к его ногам». Уникальность во всем — от стиля, манеры письма — как-то признавался, что, если бы перестал писать, у него от напряжения лопнули бы жилы — до содержания, всегда ориентированного тем или иным образом на личность, на ее свободу. Вместе с тем — согласимся — бердяевская уникальность не исключает его из общего закона истории русского сознания.

Н. А. Бердяев вошел в русскую философию в первый год XX века странной книгой с названием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском». Странность книги заключалась в том, что ее общественно-значимый эффект был достигнут не только благодаря усилиям Н. А. Бердяева, но и благодаря усилиям автора предисловия к этой книжке — знаменитого П. Б. Струве. Получилось, что то было не книгой Н. Бердяева, а книгой Н. Бердяева — П. Струве. Читателю этого конволюта становилось понятно, что озабоченный общественным устройством человек не может руководствоваться не только психологическим идеализмом Н. К. Михайловского и не только кантовским идеализмом Н. А. Бердяева, но обязан идти далее и признать идеализм метафизический, который один дает решение проблемы сущего и должного.

Конволют Бердяева — Струве появился в свет поздней осенью 1900 года, а уже в июне 1901 года статье «Борьба за идеализм» Бердяев заявляет о своем окончательном переходе «к метафизическому идеализму». В мае 1903 года, давая о себе справку С. А. Венгерову, Бердяев пишет: «Сейчас я принадлежу к идеалистическому мировоззрению, которое все более определяется и выражением которого является сборник «Проблемы идеализма». Читателю известно, что этот сборник, инициированный к жизни П. Б. Струве, его же статьей, наметил главную перспективу развития русской философии, если она хочет послужить свободе и человеку — «перед нами открывается широкая область метафизического творчества», а уж традиции его в России богаты славными именами В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, А. А. Козлова и его учеников, С. Н. Трубецкого. Важно еще одно обстоятельство. «Проблемы идеализма» были хорошо встроены петербургскими богоискателями, которые не только поддерживали метафизическую перспективу «Проблем идеализма», но и призвали авторов сборника смелее идти к Богу. Скоро двух авторов из «Проблем», а именно экс-марксистов С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева богоискатели приглашают в Петербург для редактирования своего журнала. Н. А. Бердяев оказывается в «очень напряженной и сгущенной атмосфере русского духовного ренессанса». Близкое знакомство Н. А. Бердяева с христианством, вхождение в христианство состоявшееся в Петербурге и, при этом — соловьевско-мережковской версии христианства как религии Богочеловечества, которое пропагандировали adeпты нового религиозного сознания. Под их влиянием томившая Н. А. Бердяева тоска по Абсолютному идеалу окончательно принимает форму религиозного сознания. Здесь, в Петербурге, он начинается как религиозный мыслитель, а работами, которыми обозначился его переход к христианству, стали статьи в журнале «Вопросы жизни» и книга «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) Но если нужно усилить эффект воздействия неохристиан на бывшего ссыльного и социал-демократа, то следует сказать, что времени для Бердяева стало

нисхождение к нему окончательной и абсолютной веры в Христа и родившееся в нем желание «стать философским слугой религиозного движения».

Теперь, когда дальнейший путь философа Н. А. Бердяева определился как путь философа религиозного, когда сам философ даст на это «аннибалову клятву» возможно назвать три книги, каждая из которых важна тем, что ею была определена общая направленность мысли философа, а смена направленности означала конец или начало нового времени его творческой жизни. Естественно, в этом наборе первой должна будет числиться книга 1907 года (с условным отстранением — по недостатку места в нашей антологии) этот сборник 1906 года «*Sub specie aeternitatis*. «Опыты философии, социальные и литературные»»). Свою книгу философ назвал «очень несовершенной. Отметив при этом, что она выразила его тенденцию религиозного анархизма. Такая ремарка позволяет дать свою более объективную оценку книги. Примем во внимание одно обстоятельство, а именно — убеждение Н. А. Бердяева, что он был мистическим анархистом не только в начале творческого пути, но чувствовал себя таковым по его завершении. Будем помнить, что проблема отношения Бога и человека особенно трудна как раз для мистического анархизма.

Современные авторы недооценивают значение этой работы. Она же, во-первых, свидетельствовала об окончательном переходе Н. А. Бердяева на территорию религиозного мышления. Во-вторых, этот опыт религиозно-философской постановки проблемы общественности» (так автор именовал свою книгу) стал также его первым шагом в движении к собственной философии творческого христианского антропологизма, а, значит к его книгам «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916).

Другая отмечаемая в настоящем очерке книга — это известное и наверняка многими прочитанное издание 1916 года — «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», вызвавшая в свое время множество откликов. Автор ценил книгу как начало своего собственного, бердяевского пути в мировой философии. По этой книге и доньше судят о философе, неизменно припоминая «*Ungrund*» Якобе Бёме, «бесосновную свободу», которую Бердяев сделал основанием своей философии вместо всем привычного «бытия».

Две названные книги принадлежат «русскому времени» жизни философа. Все покупатели антологии знают, что философ был вынужден покинуть свое отечество. С осени 1922 года он жил за рубежом, внимательно наблюдая за по-неволле оставленной Родиной, радуясь ее славе и переживая за ее грехи и беды.

Третья книга, о которой нужно сказать в нашем предисловии — это «Дух и реальность. Основы Богочеловеческой духовности», выпущенная знаменитым у русского зарубежья издательством YMCA-press в 1937 году. Автор этой книги — уже в зените своей общеевропейской известности. За ним уже числятся переведена на все европейские языки «Судьба человека в современном мире» (1934), «Христианство и классовая борьба (1931), «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства»» (два тома 1927–1928 годов). Какие-то французы из Французской академии моральных наук присудили ей какую-то премию, которая должно быть, не была лишней в бюджете семьи

философа. Сейчас, называя предшественниц «Духа и реальности» автор не назвал множества статей философа в журналах русского зарубежья — «Путь», «современные записки», «Новый град» и другие, не назвал бывших брошюр вроде «Генеральной линии советской философии и воинствующем атеизме» (1932) или «Русской религиозной психологии и коммунистического атеизма» (1931) или, наконец, «Марксизма и религии» (Варшава, 1929) с интересным подзаголовком — «Религия как орудие господства и эксплуатации».

Что эти три книги написаны одним автором, легко узнается по их стилю и словарю; — даже если с обложки будет снята его фамилия; но речь идет о содержании... Определенно «Философия свободы» — это прямое продолжение и дополнение «Нового религиозного сознания и общественности». Если последняя смело может быть названа социологией нового религиозного сознания с мистико-гносеологическим введением в нее, то «Философия свободы», очевидно, является гносеологическим и историческим дополнением к этому введению. Сложнее дела в отношениях «Нового религиозного сознания и общественности» с «Опытом оправдания человека», то есть со «Смыслом творчества». Обнаруживается, что даже при учете посредничества «Философии свободы» прямая нить преемственности между книгами невозможна. Но бесспорно и другое — в книге 1907 года есть заметные идейные сгущения, которые можно назвать точками рождения «Смысла творчества» и — теперь уже, через его посредничество даже более поздних работ. Этими сгущениями в книге 1907 года стали спиритуализм, в котором исчезают разделения имманентного и трансцендентного, персонализм воящих монад, возможность прикосновения личности к миру некоего первозданного хаоса, в котором не существует разделения на субъект и объект. В метафизике «Нового религиозного сознания» наличествует Божество Мейстера Экхардта, эманлирующее волящими монадами-личностями. Среди перечисленного нет Ungrund, безосновной основы бытия, в которой рождается Бог и затем из нее творит человека. Но в «Новом религиозном» мы прочитываем следующее: «В стихии мистики загорается светлая точка сознания, это среда, в которой происходит прозрение, искание, движение к какому-то смыслу... № (XVI) к Логосу, который затем оказывается и моим разумом... Разве это не напоминает мистирию рождения в Ungrund Бога и человека?»

Как м в свое время, так и сейчас творческий христианский антропологизм книги по разным причинам привлекает к себе самое живое внимание. Мыслитель предложил антроподицею. При помощи безосновной свободы он снял с Творца все обвинения, возводимые на него недобрыми или недалекими людьми. По книге получалось, что сам человек и только он виновен в бедах земли, но он может исправиться, ибо по сущности своей он не раб Божий, а его любимое дитя (этот мотив — любимый в книге 1907 г.) и не только дитя, но и соратник в деле лучшего устройства бытия. Оказывается, безосновная свобода из которой творец создал человека. То было шансом на существование самостоятельное и творческое, независимое от любых обстоятельств природного, социального и религиозного порядка. Впрочем, сожалеют исследователи «читатель не найдет здесь ни теоретических выкладок, ни стремления

к последовательному доказательству, а слышит только взволнованный голос и обнаружит новый категорический императив, требующий от человека творческого деяния как его нравственного долга. Читатель антологии, отвернув ее страницы ближе к началу, тоже обнаружит жалобы критиков и рецензентов на бездоказательность, всего написанного Бердяевым.

Исследователи «Смысла творчества» согласны в одном: речь скорее всего идет о творческой достройке человеческого духа до некоего идеала, гармонии и полноты. Но возможна и обратная направленность творческого акта — ко злу, ибо укоренен человек в свободе добытийственного ничто. Так Н. А. Бердяев открывался европейским философам-экзистенциалистам, с кем он встретился после своего «выдворения» в Европу.

Свою причастность к экзистенциальной философии и в какой-то мере приоритет в ее обнаружении Н. А. Бердяев попытался подтвердить в книге «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934). Интересна одна деталь, главы в книге названы «Размышлениями». Получились размышлений, а французы, издавая перевод, так его и назвали «Размышления о существовании». «Сам я, — писал автор во втором “Размышлении”, — давно уже в книге, написанной более 20 лет тому назад (речь идет о “Философии свободы”. — А. Е.) по-своему определил экзистенциальную философию, которая есть “что-то”, то есть обнаружение бытия, существования, в отличие от философии, которая есть “о чем-то”, об объекте, хотя я и не употреблял термин “экзистенциальный”» (с. 250).

Книга «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» избрана рубежом последнего периода его философии потому, что в ней бердяевская мысль достигает «предельного радикализма в отрицании всякого объективного мира, всякой онтологии, статике, даже бытия, как отверженных и окаменевших состояний единственной подлинной реальности — духа». Категории экзистенции и объективации становятся постоянными и главными героями его философии и размышлений. Даже Творец у философа — это не что-то вне экзистенциального находящееся, а тот безмерный максимализм свободы, любви, истины, правды и красоты, который может вместить в себя. а в более поздней «Экзистенциальной диалектике Божественного и человеческого» он написал даже так: «То, что восстает в человеческом страдании против Бога во имя человека и есть восстание самого истинного Бога». Измененное Н. А. Бердяевым не нужно понимать так, будто реальность, нас окружающая призрачна. Нет. реальность реальна и расположена она в пространстве и времени. Но это же и есть свидетельство некоего качества нашего духа, который таким «видит» мир, «создает» его.

Вот в этом соотношении экзистенции и объективации и заключается как достоинство бердяевской философии, обращенной к аналитике современности, так и слабости ее теоретических и мифологических оснований.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>А. А. Ермичев.</i>	
Н. А. Бердяев среди нас	7

I

«МАРКСИЗМ» У Н. А. БЕРДЯЕВА

<i>Л. И. Аксельрод</i>	
Почему мы не хотим идти назад?	15

II

НОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ. ДУХОВНЫЙ КРИЗИС ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>С. Н. Булгаков</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев. Sub specie aeternitatis.</i>	
Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906).	
Издание М. В. Пирожкова. СПб., 1907, ц. 2 р.	45
<i>И. А. Ильин</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Бердяев Николай.</i> Новое религиозное сознание	
и общественность. СПб., 1907. Стр. L+233. Ц. 1 р. 50 к.	47
<i>В. Ф. Эрн</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев. Sub specie aeternitatis.</i>	
Опыты философские, социальные и литературные. СПб., 2 руб.	53
<i>Н. Н. Андреев</i>	
На границе человеческого разума	
(Теория «мистического разума» г. Бердяева)	55
<i>Д. В. Философов</i>	
На распутье	66
<i>С. В. Лурье</i>	
Религиозная мистика и философия.	
(<i>Н. Бердяев. «Новое религиозное сознание</i>	
<i>и общественность»</i> СПб., 1907 г.).	72

<i>Архиеп. Антоний</i>	
Ответное письмо архиепископа Антония Н. А. Бердяеву о «Вехах»	89
<i>А. А. Никольский</i>	
Поворот от революции к идеализму в философии.	102
<i>В. В. Розанов</i>	
Бердяев о религиозных исканиях Д. С. Мережковского	120
<i>А. А. Богданов</i>	
О пользе знания.	132
<i>П. С. Юшкевич</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев. Sub specie aeternitatis.</i>	
Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906).	
СПбур. 1907	139
<i>П. В. Мокиевский</i>	
К характеристике современных течений	143
(<i>Николай Бердяев. Новое религиозное сознание</i>	
и общественность. СПб., 1908)	143
<i>С. А. Суворов</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев.</i>	
Новое религиозное сознание и общественность.	
СПб. 1907 г. L+233 стр. Цена 1 руб. 50 коп. Изд. М. В. Пирожкова	158

III

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ И СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

<i><Без подписи></i>	
Антиномия религиозного мышления	163
<i>Д. В. Философов</i>	
Пророческая схоластика.	166
<i>Ф. А. Степун</i>	
<i>Николай Бердяев. Философия свободы.</i>	
Книгоиздательство «Путь». Цена 2 р.	169
<i>С. А. Аскольдов</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев. Философия свободы.</i>	
Книгоиздательство «Путь». Москва, 1911 г. 280 стр. Ц. 2 р.	171
<i>И. А. Цинговатов</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев. Философия свободы.</i>	
Книгоиздательство «Путь». Москва. 1911 г. Стр. 280. Ц. 2 р.	173
<i>В. В. Розанов</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Николай Бердяев. Смысл творчества.</i>	
Опыт оправдания человека (Москва, 1916)	177
<i>С. А. Голованенко</i>	
<Рец. на кн.:> <i>Н. Бердяев. Смысл творчества.</i>	
Опыт оправдания человека. Москва, 1916 г. Стр. 1–358	183

IV

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Н. А. БЕРДЯЕВА
В ЗАРУБЕЖЬЕ (1922–1948)

<i>З. Н. Гиппиус</i>	
Оправдание свободы	189
<i>М. В. Вишняк</i>	
Две свободы	207
<i>Ф. А. Степун</i>	
По поводу Письма Н. А. Бердяева. («В защиту христианской свободы» в редакцию «Современные записки»)	219
Об общественно-политических путях «Пути»	232
<i>Е. Ю. Кузьмина-Караева</i>	
Классический марксизм и русский ленинизм (Доклад Н. А. Бердяева) . . .	239
<i>Г. П. Федотов</i>	
Ответ Н. А. Бердяеву (1933)	246
<i>П. П. Струве</i>	
Церковность или политика? (О «бердяевщине»).	255
Два вида политического дилетантизма: революционно-соглашательский и реставрационно-интернационалистский	260
<i>Б. В. Яковенко</i>	
История русской философии <Фрагменты>	264
<i>Г. П. Федотов</i>	
Ответ Н. А. Бердяеву	267
<i>М. М. Карпович</i>	
Комментарии. В поисках «третьего исхода» (о статье Н. А. Бердяева) . . .	280
<i>И. А. Ильин</i>	
«Подвиг лжи» г. Бердяева	286
<i>Архиеп. Иоанн Сан-Францисский</i>	
Последний Бердяев	290
<i>Н. П. Полторацкий</i>	
Русская идея Н. А. Бердяева	296
<i>Л. Г. Закутин</i>	
Бердяев как экзистенциалист	309
<i>К. Д. Померанцев</i>	
Бердяев и современный мир	318

V

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Н. А. БЕРДЯЕВА В СССР

<i>М. Е. Кольцов</i>	
Философия мракобесия	339
<i>Н. И. Бухарин</i>	
Философия культурного филистерства	343

<i>Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак</i>	
Бердяев	356
<i>Е. А. Вагин</i>	
Бердяевский соблазн («Правые» в оппозиционном движении 60–70-х годов)	358
<i>В. А. Кувакин</i>	
В борьбе против человеческой истории: историософские конструкции Бердяева	372
<i>А. А. Ермичев</i>	
Н. А. Бердяев в Советской России. Опыт объяснения коммунистической историографии	377

VI

РЕЦЕНЗИЯ ТВОРЧЕСТВА Н. А. БЕРДЯЕВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Философия Н. А. Бердяева. Общий взгляд

<i>В. А. Кувакин</i>	
Философские воззрения Н. А. Бердяева <Фрагменты>	397
<i>Л. В. Поляков</i>	
Николай Бердяев на пути к Истине	404
<i>Н. В. Мотрошилова</i>	
Николай Бердяев (1874–1948)	417
<i>П. А. Сапронов</i>	
Казус Н. А. Бердяева	434
<i>И. И. Евлампиев</i>	
<Н. А. Бердяев>	442
<i>П. В. Кузнецов</i>	
Другой Бердяев: человек, писатель, пророк	468

Метафизика

<i>Л. И. Василенко</i>	
Бог и свобода	485
<i>П. П. Гайденко</i>	
Бытие как зло. Мистический революционаризм Н. А. Бердяева	490
<i>Р. А. Гальцева</i>	
Sub specie finis (Утопия творчества Н. А. Бердяева) <Фрагмент>	495
<i>А. Г. Мысливченко</i>	
Был ли Бердяев экзистенциалистом?	512

Антропология и историософия

<i>В. М. Живов</i>	
О сомнительном и недостоверном в историософии Н. А. Бердяева	517
<i>Н. Н. Трубников</i>	
От Зверя к Богу (читая «Смысл истории» Н. Бердяева)	528

Россия Н. А. Бердяева

<i>Е. В. Барабанов</i>	
«Русская идея» в эсхатологической перспективе	548
<i>Б. Н. Бессонов</i>	
«Ленин, большевики спасли Россию». (Н. Бердяев).	565
<i>Л. А. Гаман</i>	
Советская Россия: взгляд на Н. А. Бердяева (Некоторые аспекты проблемы)	570
<i>М. А. Колеров</i>	
Бердяев и Сталин в 1945 году Приложение. <i>Бердяев Н.</i> Превращения «национализма» и «интернационализма» (1945)	587

Бердяев и другие

<i>С. Н. Мареев</i>	
Проблема свободы в христианской философии.	603
<i>В. П. Троицкий</i>	
Н. А. Бердяев и «Афонское дело».	609
<i>В. П. Визгин</i>	
Неизвестный известный Бердяев: к истории парижского периода	617
<i>Ю. В. Колесниченко</i>	
Жизнь и творчество Н. А. Бердяева в изгнании — женским взором	640
Комментарии	656